

Антон Бормайов

МАСКА

в темном лесу всегда темно

МОСКВА
2023

Повeсть

«САМОХОД»

АНТОН БОРМАТОВ

1.

Сознание возвращается гулким скрежетом в ушах. Темнота под закрытыми веками начинает кишеть мириадами разноцветных прожилок, и в ней проявляется светящийся неоновый круг, похожий на бублик. Слабо пульсируя, плавая во мраке бесконечной пустоты, он приближается настолько, что я могу рассмотреть, как он переливается нежными фосфоресцирующими цветами. Становится совсем тихо. Завороженный видением, наблюдаю, как неоновый ноль становится межгалактическим кораблем, готовым принять меня на борт. Короткое мгновение нирваны.

И тут гортанный вопль железными зубьями взрезает наступившую было тишину. Бублик срывается к границе миров, и со вспышкой космического взрыва возвращается нестерпимая боль, как будто в уши мне воткнули вязальные спицы. Пакет сдирают с моей головы, которую я закидываю с раздирающим горло первым вдохом и снова роняю на грудь. Открываю глаза, вижу, как мои кровавые сопли летят на известняковый пол. Вокруг меня бетонная комната без окон, посередине которой я и сижу на железном стуле, скотчем примотанный к нему по рукам и ногам. Не успеваю рассмотреть свои грязные стопы с поломанными и окровавленными ногтями, как меня окатывают ледяной водой.

Расслышав откуда-то издали звон упавшего и покотившегося ведра, продираю глаза и вижу перед собой его харю с уже знакомым животным оскалом:

— Ты умрешь, если не скажешь правду.

«Очень свежо. А ты согласишься в нее, тупой ублюдок?! Если тебе все рассказать как есть? Со всеми подробностями! Как все было на самом деле. “На самом деле...” Бред какой-то... Какие “на самом деле” могут быть?.. Но не суть, все равно, если тебе рассказать, как я это видел, как она это видела! То, что она мне рассказывала, как мы все это пережили, прочувствовали! Да это и невозможно! Но даже если бы я попытался, ты бы сам первый решил, что я просто смеюсь над тобой, издеваюсь, развожу тебя, только бы протянуть время, пока ты наконец не пристрелишь меня, или что ты там собираешься сделать?! Поэтому лучше сразу переходи к делу. Не поможет тебе моя правда. А если бы и помогла, от меня ты ее не услышишь. Потому что тебе и таким, как ты, нужно только одно. Все вы такими становитесь, если уже не стали. Но не мы,

слышишь ты?! Не мы. Не я и не она. Только не она! Да, возможно, если бы не она, я бы и мог стать таким же. Как ты, как все вы. Но теперь уже нет. И, надеюсь, уже никогда».

Сколько уже дней прошло, как я сбежал в самоход? Три дня или четыре?.. Сегодня что, вторник?.. Или понедельник?.. В общем, началась неделька! К этому моменту я уже год отслужил в армии, а впереди еще полгода, то есть целая вечность! Как же я соскучился по нормальной жизни! Лучше свободы ничего нет! А тут еще Артем, мой друг по гражданке, месяца два как подначивал. Сначала писал, что клуб ночной открыл — подарок от папы, который за границу свалил. Ну и что вечеринки там закатывает — улет! Московские диджеи по выходным, телочки лучшие в городе, все дела. Потом даже приезжал ко мне и так снова тусовки расписывал, что у меня слюна до пола. Рассказывал про какие-то наркотики, о которых я ни сном ни духом: я пил-то до армии раза три. В общем, всячески агитировал приехать на побывку или в отпуск. Но какие на первом году отпуска?! Я — «дух»! Чего только не предпринимал, чтобы начальство умаслить! Комнаты досуга, не спя по ночам, за неделю рисовал, бассейны замполитам мозаикой выкладывал, а все без толку: кидали офицеры постоянно. Что с них взять?! Ну и пришлось решиться на самоход.

Я художником служил в армейском клубе и кино заодно показывал по воскресеньям. В казарму меня не вызывали, а в клуб по выходным офицеры не навевывались. Вот я и подумал: в пятницу смотаюсь домой, а в воскресенье вернусь как раз к показу фильма — никто и не заметит. В общем, дожидаюсь вечера и за-светло еще — мне до Владимира часа четыре на электричках, так что надо было торопиться, чтобы на дискотеку успеть, — перемахиваю через забор части и бегу в лес, где я гражданку прятал в огромной столовской кастрюле. И тут караульный, заметив меня с вышки, кричит:

— Эй, солдат, стоять!

Я за дерево прячусь, замер, сердце стучит.

— Да я шучу! Кинь там и за меня палку!

— Две! — кричу в ответ, переведя дух, и, услышав, как он смеется, бегу дальше.

Найдя свою ель, под ветками которой как раз и была врыта в землю моя алюминиевая кастрюля, и откинув крышку, достаю

свои шмотки и через какую-то минуту становлюсь вполне нормальным человеком. Уже в сгустившихся сумерках, выбравшись на асфальтированную дорогу, бегу в сторону железнодорожной станции. После кирзачей в кроссовках как летишь. Правда, приходится бежать то лицом вперед, то спиной. Чтобы, если вдруг машина, успеть спрятаться в кустах у обочины. И кстати, натыкаясь на один груженный «дúхами» «Урал». Провожая взглядом их задроченные моськи, узнаю в них недавнего себя. А в остальном добираюсь до станции без эксцессов. На перроне, проходя мимо патруля, прячу глаза под козырьком бейсболки. Уже сев в электричку, уверенный, что этой ночью мне будет не до сна, устраиваюсь поудобней в надежде поспать по дороге. И уже во второй электричке после пересадки снится мне сон. Почему не могу его не рассказать? Надеюсь, вы потом поймете. И еще потому, что не помню, когда мне в последний раз снился настолько яркий сон и чтобы я запомнил его вплоть до деталей.

2.

Сажусь в поезд метро, людей в вагоне немного, но на следующей станции и они все выходят, оставив меня одного. Поезд уже долго едет, а остановки все нет и нет. Встаю, осмотревшись по сторонам. Подхожу к двери в соседний вагон и, всматриваясь в другие вагоны, понимаю, что там тоже никого, в поезде ни одного пассажира, кроме меня. На нервяке жму на кнопку связи с машинистом, кричу: «Когда остановка? Где все люди?», — без ответа. «Меня вообще кто-нибудь слышит?» — снова тишина, только грохот поезда. Бью ногой в дверь, кричу на весь вагон: «Че за херня?!» Дверь оказалась не заперта. Захожу в соседний вагон, иду в сторону головы состава, рассматривая обстановку вокруг. Нахожу какую-то газету, читаю: «Правительства всех стран пытаются объединить усилия в борьбе с эпидемией...» Выбрасываю. Нахожу зажигалку — сломана, не горит. Пройдя насквозь через весь состав, стучу в дверь машиниста, кричу «Там есть кто-нибудь?», — молчок. Со всей силы бью по ней ногой. Разъяренный, пытаюсь оторвать трубу от поручней, но она не поддается. Все тут, в вагонах, приделано намертво. Уже вконец вымотанный, сажусь отдохнуть и не замечаю, как засыпаю. Причем уже сам себя вижу со стороны, даже то, как, лежа на боку, ворочаюсь во сне.

И тут вдруг платформа! Поезд наконец останавливается, двери открываются. Я пытаюсь докричаться до себя спящего, вижу, как приоткрываются «его» глаза и «он», вскочив на ноги, тут же бросается к дверям, которые захлопываются перед самым его носом, и поезд едет дальше. Теперь ни в коем случае нельзя засыпать! Приходится прыгать, танцевать, отжиматься, делать подъем переворотом. Читаю что-то из той статьи: «Человечеству еще повезло, что агрессия, выплеснувшаяся после отсутствия сдерживающего фактора...» Глаза сами закрываются. Газета падает из моих рук, и, чуть не провалившись в сон, сам себя бью по лицу, чтобы взбодриться. Потом, прогуливаясь по составу в страхе заснуть, нахожу бутылку из-под пива, жадно выпиваю оставшийся на дне глоток и вдруг обращаю внимание на свое отражение в стекле — там уже какой-то заросший щетиной бомж: глаза впали, сальные волосы торчком. Швыряю в отражение бутылку, окно — в мелкую крошку!

И тут поезд вдруг выезжает на улицу, ослепив меня дневным светом. Щурясь какое-то время, я вижу залитую солнцем улицу, едущие машины, прохожих, которым кричу через разбитое окно, но меня никто не слышит. Забравшись на оконный проем, боюсь, что прыгнуть на такой скорости — чистое самоубийство, но, как только все же решаюсь, поезд снова врывается в тоннель, и я от неожиданности вваливаюсь обратно в вагон. Катаюсь по полу, как в падучей, размахивая руками-ногами, наконец замираю в каком-то полном отчаянии. И вдруг вижу краем глаза: на одном из диванов недалеко от меня сидит девушка. И смотрит на меня с любопытством. Вскочив на ноги, поправляю одежду, потряхиваюсь, приглаживаю взлохмаченные волосы. Несмотря на мое странное поведение, девушка держится спокойно и потом мне даже как-то снисходительно улыбается. Подхожу чуть ближе, рассматриваю ее. Живая, настоящая. Сажусь рядом, вместе едем дальше, боюсь ее о чем-то спросить, потому что она настолько прекрасна, что у меня аж дыхание перехватило, и вообще, я в ожидании, что же будет дальше. А дальше поезд как-то буднично выезжает на платформу, и причем довольно людную. Девушка продолжает спокойно сидеть, а что ей еще делать, если ей ехать дальше? А сам я не могу остаться, настолько обрадованный тем, что остановка и что появился шанс вообще выбраться из этого поезда. И вместе с тем, очевидно же, что эта девушка — моя судьба и без нее нет смысла вообще ни в чем. Но все же в страхе остаться,

расталкивая заполняющих вагон пассажиров, в последний момент мне удастся вывалиться сквозь гильотину захлопывающихся дверей на платформу. Оторвавшись от книги, девушка провожает меня слегка разочарованным взглядом, и, пока поезд навсегда ее уносит, я понимаю, что совершил самую большую ошибку в жизни. В каком-то тупом отчаянии по поводу собственного малодушия, вслушиваясь в грохот уходящего поезда, сливаюсь наконец с безликой массой людей, снующих по платформе...

Вот такой диковатый сон, но девушку из него я очень хорошо запомнил.

3.

Меня трясет от холода. В этом бетонном саркофаге не хватает только развешанных на крюках свиных туш.

— Твоя телка нам все рассказала. Поэтому взвешивай слова. Если хочешь спасти вас обоих, — нависает надо мной его харя. Бывают же такие! Мутноватые белесые глаза смотрят немного в разные стороны, отчего возникает ощущение, что их хозяин, если ты вдруг загнешься, не обратит на это никакого внимания.

И какой же тут «холодильник»? Или мой организм настолько истощен? Этому же уроду нормально, хоть он и в одной рубашке.

— Ты понял меня? — пучит свои зенки.

Киваю трясущейся в ознобе головой. С моих носа и волос падают капли воды.

— Ты звонил Артему, говорил, что приедешь?

— Да, но не дозвонился.

— Так, дальше. Ты приехал во Владимир. Во сколько?

— Точно не знаю, около одиннадцати где-то.

Вижу, как комната отражается в лужице, собравшейся на сиденье привинченного к полу стула. И пытаюсь в ней, как в магическом шаре, увидеть все, что с нами произошло.

Уже год меня не было в родном городе, и теперь я впитывал его каждой клеточкой. Довольно быстро насладившись подзабытой архитектурой, разбушевавшейся растительностью, запахами разгоряченного за день асфальта, сосредотачиваю внимание на людях. Но даже в центре народу не так много. Особенно рассматриваю девушек, идущих ли навстречу или стоящих у витрин магазинов, на более симпатичных задерживаю взгляд,

а когда совсем красивая проходит мимо, мурлычу под нос что-то из «Кино», не знаю почему, видимо, это какой-то рефлекс.

Ментов стараюсь проскочить, не отвечивая. К счастью, представители органов правопорядка почти не попадают. Фонари, в которые были явно вкручены какие-то суперсовременные лампы, окрашивали все в более яркие и немного искусственные цвета. А может, это только мне казалось с непривычки.

Уже на окраине города в вечерней тишине птицы тянули монотонную колыбельную, что еще больше подчеркивало ощущение кинодекорации. Заранее решив не заходить домой, а сразу двинуть на дискотеку, ради которой все и затевалось, я и не подозревал, какой же дикий облом меня ожидал! У входа в Артемовский клуб не оказалось ни души: он попросту был закрыт. «Почему же я не позвонил, вот дурак!» — начал было себя казнить и тут вижу: вдалеке в мою в сторону идет девушка. Еще издалека она показалась мне какой-то потерянной, а когда проходила мимо, даже смог уловить в ней какую-то трагичность, какую-то неземную тоску. Подойдя ко входу в клуб, девушка прочитала объявление на дверях, а когда развернулась, чтобы уйти, и наши взгляды встретились, меня словно прожгло молнией. Я узнал ее: это была девушка из моего сна. Тот же дерзкий взгляд карих глаз, та же чуть небрежная копна темных волос и то же выражение лица, будто мы знакомы уже тысячу лет. Мистика?

— Вы тоже на дискотеку? — спрашиваю.

Кажется, я напугал ее. Ничего не ответив, она боязливо проходит мимо и торопится уйти. Я за ней, ведь нет сомнений — это та самая девушка, которая навсегда уехала от меня в том проклятом поезде. Как я мог теперь не воспользоваться случаем все исправить?

Вообще-то, я не любитель всяких там совпадений, каких-то судьбоносных штук, скорее, я реалист, но иногда просто не могу пройти мимо правды. Да, бывает, что за нее получаешь по башке, но, если я *сейчас* вам обо всем этом рассказываю, значит, это действительно правда. Смысл мне кого-то обманывать!? Хотя вы правы: себя-то мы и склонны обманывать в первую очередь. Но сейчас мне точно не до того! Так что попробую подвести резюме: я видел ее во сне до того, как встретил в реальности! И это факт. И кто может его опровергнуть? Никто! Можете мне просто не верить — ваше дело, а я просто попытаюсь честно описать, что же все-таки произошло, чтобы прежде всего самому во всем этом

разобраться. И совершенно необязательно все рассказывать этому уроду. «Взвешивай слова»? Пожалуй, я так и сделаю.

В общем, к девушке во сне я точно не являлся, поэтому она убеждает от меня, как от какого-то монстра.

— Девушка, подождите. А что там написано?

— А вы что, читать не умеете?

— Пока я прочитаю, вы уже уйдете.

— Я и так уйду.

— Почему? Не надо! Да подождите, куда так бежать?!

— Я еще и закричать могу!

— Зачем? Девушка, я прошу, выслушайте меня, пожалуйста? Это очень важно!

Быстро оглянувшись, она только ускоряет свой шаг.

— Послушайте, если я сразу скажу, почему мы с вами просто обязаны познакомиться, вы сочтете это бредом, поэтому, может, для начала просто познакомимся, а потом... если...

Дальше идет, не останавливается. Но не кричит — уже полдела. Иду следом, но не вплотную, стараясь не напирать.

— Ладно, так и быть. Я специально сбежал из армии, чтобы попасть на эту дискотеку. Ехал на электричках. И заснул. И вы мне приснились. Честно. Я никогда не забываю, кто мне снится. Да и сны сами тоже. А этот запомнил. Яркий такой... И вас в нем, вот как сейчас, видел. Точно! Я не могу ошибиться. Это было час назад.

Она замедляет шаг, бросает на меня более пристальный взгляд.

— Странно, правда? Мы же не встречались. Как же тогда?..

На ходу озираясь по сторонам, девушка говорит:

— И что, это сбавывает?

— Что сбавывает?

— Девушки часто на такое ведутся?

— Ну вот, я же говорил...

Видя мое отчаяние, она наконец замедляет шаг и вдруг совсем останавливается. Смотрит на меня внимательней, но все еще подозрительно. И говорит немного настороженно:

— Дискотека сегодня на «Гагарине».

— Каком еще «Гагарине»?

— Теплоход «Гагарин».

— Может, пойдем вместе, вы же хотели на дискотеку?

Она смотрит мне в глаза. Не прямо, ее зрачки бегают по моему лицу, будто ощупывают его, как палка дно болота, но — о чудо! — соглашается пойти со мной.

— Отлично, только надо автомат найти, другу позвонить, он скажет, с какой пристани...

— Главный пирс, — говорит девушка. — Успеваем на первый причал.

4.

«Я уже и забыла, откуда ты взялся и почему идешь рядом. Так я никогда этого не сделаю. Мне нужно было просто напиться. И все!.. Хотя все это отговорки: “парень”, “дискотека”, “напиться”. Мы шли по этому опостылевшему тротуару, а я понимала, что все это только страх. И ничего больше. Я оглядываюсь: несется легковушка. Я просто решаюсь и иду к обочине. Слышу: ты только успеваешь крикнуть: “Вика!” Мы зачем-то уже познакомились? Зачем? Но неважно. Выхожу на проезжую часть, преграждая путь машине, и она сбивает меня.

Наверное, замерев в оцепенении, ты бы увидел, как мое тело, сделав несколько сальто над визжащей тормозами машиной, с размаху шлепнулось бы об асфальт. Водитель выскакивает из остановившейся “девятки”. Вы оба остолбенело смотрите на мое распластанное тело с размозженной головой и неестественно вывернутыми конечностями. Водитель переводит взгляд на тебя, кричит: — Ты же видел!

И убегает, прыгнув за руль. Машина с визгом срывается с места. А ты тупо смотришь, как из-под моего лица вытекает лужа крови, в которой отражается твое собственное. Смерть — это набор банальностей. И сейчас ты с ними начинаешь сталкиваться. И думаешь: почему именно ты? А я тогда даже забыла, как тебя зовут. Не помнила, хоть тресни. Потому что все мои мысли были об одном: “Какого черта я не могу решиться? Откуда эта безнадежная трусость?”

Ты спрашиваешь:

- Что с тобой?
- Что? — переспрашиваю, приходя в себя.
- Ты какая-то странная.
- Как, говоришь, тебя зовут?»

Вика потом рассказывала мне про такие свои приходы. Я был в шоке, не понимал, как человек вообще может думать о самоубийстве. Наверное, тогда ничто не могло оправдать самоубийцу в моих глазах, а ее признания только немного меняли угол зрения.

Но все это ерунда, пока ты сам не окажешься в ситуации, когда смерть покажется избавлением. Как сейчас в моем случае? Нет, думаю, все-таки не настолько. Но я уже хотя бы понимаю, что существует такая вероятность — молить о смерти. Но, как ни странно, раз уж так, то лучше бороться за жизнь, пока еще есть такая возможность.

Подходим к трапу, стоим в очереди.

— И сколько не дослужил?

— Полгода.

— Не сильно рискуешь ради какой-то дискотеки?

— Ради дискотеки — да, а ради тебя — не особо.

На ее лице наконец проявляется отблеск какой-то улыбки. Дойдя до фейсконтроля, говорю, что я по приглашению Артема. После того, как охранник связывается с ним по рации, мой дружка сбегает вниз по трапу, и после наших бурных приветствий я знакомлю его с Викой.

— О, так ты не один? Шустрый ты!

Вика тушует, хотя зря. Я лично никогда не встречал такой красивой девушки. Да, одета, может, и не очень: джинсы бананами, неказистая футболка, короткая куртка с «плечами», но вижу, что и Артем оценил ее необычную красоту. Мы вместе поднимаемся на палубу теплохода. Обращаю внимание, что у входа всем прибывшим девушкам выдают пластмассовые рожки на ободках. Вика не берет, а многие девушки тут же их надевают, и они горят в их волосах красноватым светом.

— У кого рожки — те «снимаются». Это мы такую мульку запустили. Кто в курсе, тот вооружен, — вполголоса поясняет мне Артем, который выглядит как раз-таки супер: белая футболка, потертая джинсовка Levi's, кофейного цвета слаксы, крутые Найки.

После первого причала корабль набился под завязку, все танцуют, орут, пьют, смеются, долбит апокалиптическое техно. Продираясь сквозь гудящую толпу вслед за Артемом, оказываемся у лестницы на верхнюю палубу.

— А куда мы? — спрашивает Вика.

— В ВИП, там круто, — отвечает Артем.

— Ой, а можно здесь остаться? Я здесь почему-то хочу.

Артем без вопросов ведет нас назад, вместе протискиваемся сквозь основной танцпол к бару, где он нас угощает по нашему же выбору водкой. Тут действительно было тоже круто. Но Вика

все равно была на каком-то депрессе. Не в своей тарелке. Чужой. Посмотрев на все это, Артем все же стал уговаривать меня пойти в ВИП.

— Слушай, Макс, там тоже телочки, все дела! С друзьями тебя познакомлю. Ну, не хочет она — пусть здесь пока потусует. Но ты-то не каждый день приезжаешь, брат!

Потом обращается непосредственно к Вике:

— Виктория, вы не против, если мы Вас ненадолго оставим? Заскочим в ВИП, и Макс обязательно к Вам вернется.

Вика кивает, и тогда я тоже сдаюсь. Провожая ее взглядом, кричу: «Никуда не уходи!» — и снова проталкиваюсь с Артемом в сторону лестницы на верхнюю палубу. Через минуту мы оказываемся в ВИПе, где горстка его приближенных устроила настоящий шалман: кто-то скручивал косяки, которые ходили по кругу, кто-то на заставленных выпивкой и закуской столах ровнял дорожки кокаина. Я сразу получаю «паровоз», вижу, как Артем занюхивает дорожку. Сколько он до этого вынюхал и наглотался, можно было только догадываться, хотя и казался вполне адекватным. Глядя вокруг, удивляюсь тому, насколько люди не стеснялись, в открытую употребляют все что ни попадя: алкоголь, наркоту. Артем предлагает мне ЛСД в кристаллах, я отказываюсь, меня и от травы-то нехило уносит. Тогда, занюхнув еще дорожку и по-мироновски забросив челку светлых волос назад, Артем всем радостно вопит, стараясь перекричать музыку:

— Дамы и господа, к нам из армии пожаловал мой большой и давний дружище, Максим! Проходи, брат, за стол!

Я протискиваюсь поближе к Артему. Кто-то орет мне через стол:

— Из армии, в отпуск?

Киваю, понимая, что в этом гомоне ничего толком не объяснить.

— Ну и как оно? Сколько оттарабанил?

— Год.

— О, братан, ну и как ощущения?

— Сам не жалею — другим не советую.

— Это почему?

— Ну не знаю, проблема в том, что только год отслужил, а другой жизни, которая до этого была, и не помню, как будто всю жизнь только и был солдатом.

— И сколько еще?

— Полгода.

Парень с пониманием кивает головой и протягивает мне трубочку:

— Тогда давай.

Потом наклоняется ко мне ближе. Сверлит меня своими пятикопеечными зрачками.

— Тогда тебе точно надо.

До армии я почти не сталкивался с наркоманами. Знал, что кто-то из друзей сторчался. Но они тут же становились бывшими друзьями, мы потом почти не пересекались. Но в те редкие моменты их облик заставлял меня ненавидеть все, что связано с наркотиками. И что теперь? Мне предлагают приобщиться? Но я же не за этим приехал, я вырвался на свободу. И я встретил девушку. Она там, на танцполе. Одна. И ждет меня. Но, с другой стороны, может, это тоже часть свободы? Я же все-таки приехал оттянуться по полной. И может, наоборот, надо позволить событиям развиваться своим чередом? Эта мысль подстрекает меня взять трубочку, и я занюхиваю первую в своей жизни дорожку кокаина.

— Молоток! — говорит мне парень, поднимает рюмку и кричит уже на все каюту: — За то, чтобы вспомнить все!

Кто-то подхватывает: «Да, чтоб вспомнить все!»

Парень ржет как безумный и, залив мое ухо слюной, кричит:

— Вспомнить все!!!

«Вспомнить все!» — горланят остальные и хором чокаются. Выпиваю вместе со всеми и иду посмотреть, как там Вика на танцполе.

5.

Мой экзекутор откуда-то приносит стул и садится напротив. Под растянутым воротом серой рубашки на шее красуется золотая цепура. Широко расставив свои тонкие ножки в черных джинсах Versace и ботинках Paciotti, откидывается на спинку стула. Наверное, понял, что раз я уже заговорил, то можно переходить и к длительному допросу. Мне постепенно удается унять дрожь.

— А ее кто накормил, ты?

— В смысле?

— Наркотой! Она тоже была убаханная. Кто ее накачал: ты или Артем?

— Да там все было, все употребляли, говорю же. Наверное, и она всем понемногу...

— А это кого она имеет в виду?

Он достает блокнот и зачитывает оттуда:

— «Приклеился как банный лист. Угостил коктейлем, в который явно что-то подсыпал. Потому что меня расперло не по-детски. Пошла танцевать, не замечая, что извиваюсь у всех на глазах, как дикая кошка. Пришлось прятаться в галюне, и там меня так накрыло, что, пока я умывалась перед зеркалом, мне показалось, что мужик оказался сзади, начал меня обнимать, ласкать грудь, бедра, живот, совал мне пальцы в рот, а я их облизывала. А когда он их сунул мне между ног, прихожу в себя и понимаю, что это глюк и никакого мужика нет, только девчонки в очереди ржут с меня через открытую дверь. Я в шоке выбегаю, оказываюсь на танцполе. И там опять его вижу: улыбочка сальная, взгляд безумный. Думаю: “Вот же прилип, козел!” Пытаюсь от него скрыться, кажется, получается, снова танцую. Вижу, что у многих девушек рожки в головах светятся. Может, думаю, тематика вечеринки — оторваться до чертиков? Всех распирает от танца. Все мне улыбаются, и я всем тоже. И тут опять этот мужик смотрит на меня, лыбится так хищно, думает, я теперь буду сговорчивее. Хуй тебе! Следак он или решала — так и не могу понять», — закрывает блокнот, бросая свой раскосый взгляд куда-то сквозь меня.

— О ком речь? О тебе или, может, об Артеме?

Не Викин лексикон. Она не такая. Да, она потом вдруг стала странно себя вести, как будто она малолетняя проблядушка, но это была роль, которую ей пришлось играть. А это что?! Или она из нее так и не вышла? Возможно. Или меня тупо разводят?

— Да был там какой-то мачо престарелый. Наверное, о нем. Артему какой смысл? У него этих телок!

— Какой мачо?

На основном танцполе народ тоже угорал по полной. Дорожка накрыла меня вместе с треком, зависон, который волшебным образом совпал с моим приходом... И тут нахожу глазами Вику и просто офигеваю от ее танца! И не я один — целая толпа собралась. И как объяснить, почему завораживает чей-то танец? Вроде бы все девчонки танцуют кто хуже, кто лучше, но по большому счету можно вообще не обратить внимания. А тут магия. Что-то божественное. Правда, даже в ее танце угадывается что-то страдальческое. Какие-то непостижимые грусть и тоска. А ее медленные и ломаные движения диссонировать с ритмом музыки, отчего, возможно, ее танец становится еще более восхитительным. И еще я понял, что в тот момент была слышна только музыка, а все

остальное: разговоры, крики, смех — все смолкло. Все были поглощены этим маленьким чудом. Когда я, протиснувшись в круг, встаю перед Викой, собираясь составить ей компанию, меня за руку хватает какой-то упырь и, развернув к себе, кричит на ухо:

— Э, ты че?! Девушка не одна.

— Да ладно?! А имя у девушки есть?

— Какое еще имя? Тебе че надо, козел?

Ну я ему и втащил лбом промеж бровей. Вика, прекратив свой танец, тут же выскользнула сквозь сомкнутое вокруг нас кольцо, оставив меня под неодобрительным гвалтом. Еще бы, ведь я всем обломал шоу! Ее шоу! Постепенно вернулся улейный бубнеж. Музыка снова как будто сделали тише. Ко мне подбегает охрана, но, узнав во мне друга Артема, оставляет в покое.

— Драться не надо тут. Если что, нам скажи.

— Да как-то не в моих правилах.

Быстро осмотревшись и не увидев Вику на танцполе, иду ее искать снаружи. Протискиваюсь мимо посетителей вдоль палубы и нахожу ее на корме. Стоит одиноко, облокотившись на перила, и смотрит в темную воду. Что она там видит? Пока подхожу к ней со спины, замечаю, что ее тело сотрясается от почти безмолвных всхлипываний. Осторожно, чтобы не напугать, дотрагиваюсь до ее плеча, но Вика, наоборот, дернувшись от страха, как от удара током, начинает орать на меня:

— Блин, отстань от меня! Слышишь, ты?! Ты можешь свалить уже?!

Рыдая и пятясь назад, отмахивается от меня, как от назойливой мухи. А я за ней. Не могу же я игнорировать голос, кричащий во мне: «Не отпускай ее: потом никогда не найдешь!»

— Что с тобой?

— Да отвяжись ты уже! Отстаньте все!!!

— Что такое, Вик? Я не понимаю!

— Я больше так не могу. Кругом одно насилие. И ты такой же. Я не знаю, куда деваться. Я хочу уже со всем этим покончить. Не знаю только как!

Она плачет навзрыд, перекинувшись через перила. Обняв ее, пытаюсь успокоить. Но она отталкивает меня.

— Я стояла тут и представляла, как падаю в реку и тону, как меня затягивает под винты, рубит тело на части. Как эта чертова бурлящая вода из-под винтов окрашивается в кроваво-красный цвет. Понял ты!?

Кажется, тогда она впервые выдала что-то подобное, и было просто непонятно, как на такое вообще реагировать.

— Зачем?.. Я виноват в чем-то? Извини, Вик... Что я его ударил?.. Но ведь он...

— Да какая разница, что он?! Я жить не хочу из-за таких, как ты! «Он»! Я из дома ушла от такого, как ты, понимаешь ты это?! Пошли вы все!!!

Но, похоже, она быстро все выплеснула. Запал иссяк. Весь воздух кончился, все силы ушли, остались одни рыдания, волнами сотрясавшие тело. Снова ее обнимаю, пытаюсь унять остатки конвульсий, что худо-бедно получается, и, когда уже глажу ее по волосам, она утыкается своей рассоплившейся мордашкой мне в плечо.

— Тихо, тихо, успокойся. Расскажи. Или не рассказывай ничего. Только не плачь!

И она рассказала про отчима, который бьет ее мать, а всем по хрену. И она не может ее защитить, потому что он и ее бьет и в дурку кладет, когда она на него заявляет. И не понимает, как после такого жить!

Он закидывает одну ногу на другую, достает сигарету, закуривает.

— Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу, — проносит он, вертя в корявых пальцах зажигалку Zippo.

— Без понятия. Откуда я знаю?! Если просто рассказывать, что и как было, тогда можно ограничиться тем, что мы ничего не брали, ни в чем не виноваты и вообще ни при чем! Но вам же этого недостаточно? Значит важно объяснить, почему мы так или иначе поступали. Разве нет?!

Глубокая затыжка не смогла скрыть тяжесть его раздраженного вдоха, после которого он выдавливает:

— Рассказывай.

6.

Вика лежит в своей комнате, вслушиваясь в хождения отчима по дому. Мама зовет ее поесть. Вика приходит, садится за стол. Мама просит ее выпить таблетки, которые ей якобы прописали в дурке, но она отказывается, зная, что это по настоянию отчима. Тогда он заставляет ее выпить. Она делает вид, что проглотила. Пытается незаметно выплюнуть, но отчим замечает и тогда насильно запикивает таблетки ей в рот, разжимая

челюсти пухлыми пальцами. Мать пытается остановить его, но он шипит:

— Сиди не вякай!

Она вся съеживается, становясь как будто пустым местом. Вика становится невыносимо, она уходит к себе. Ее глючит от таблеток. Отчим под дверью, сейчас он войдет, заткнет ей рот и отымеет. Ручка двери опускается. Но дверь закрыта на замок изнутри.

— Открой, или ты знаешь, что будет!

Вика не может этого выносить, не может слышать этот голос.

— Открой, или ей же будет хуже!

Вика стоит у окна и смотрит на улицу. Высоко. Она хочет выпрыгнуть и наверняка уже не впервые. Думает о том, что выпасть из окна и разбиться в лепешку для нее сейчас было бы лучшим выходом.

— Ну, как знаешь.

Она слышит его шаги. Он ушел. Потом — как он орет на мать, начинает ее бить. Вика вбегает к ним в гостиную и видит лежащую на полу мать и отчима, нависшего над ней с занесенным для удара кулаком.

— Не трогай ее!

Он оборачивается, видит ее с подсвечником в руке. Замерев на мгновение, он вдруг вскакивает на ноги и, отпустив мать, бросается на Вику. Пытаясь ударить его подсвечником, она промахивается, а отчим, молниеносно вцепившись в ее шею, поднимает Вику, как беспомощную куклу, над полом и сметает ее головой коллекцию ангелочков с полки шкафа. Они сыплются на пол, пока он, продолжая сжимать Викину шею в своих ручищах, давит ногами фигурки ангелов, превращая в фарфорово-глиняное крошево. Потом он швыряет ее в стену так, что Вика, отскочив от нее, как от резиновой, падает на усыпанный осколками пол.

Скотина! Чертов садюга! И это уже давно продолжалось. Вика даже забыла насколько. Сначала он бил только маму, но, когда Вика подросла и пыталась давать отпор, он начал бить и ее тоже. В школе она пыталась объяснить синяки тем, что ее избил отчим, но он все повернул так, что девочка сбрендила и наговаривает на него. И жену, запугав до смерти, заставил смиренно подтвердить его слова. Вику забрали в психушку. Потом еще раз. И еще. Возвращалась она овощем. Так они и жили дальше. И у этого козла от безнаказанности стало вообще срывать башню. То ли он считал, что как они живут, так и надо, то ли ждал, у кого же из них

раньше всех лопнет терпение... Вот сегодня и пришел тот час, когда Викина чаша переполнилась.

— Все, урод, больше ты меня не увидишь!

Он посмотрел на нее, схватил за подбородок и, брызжа слюной, выдавил ей в лицо:

— Да что ты?! Попробуй. Но учти, уйдешь — я тебя найду и убью. После чего спокойно вернулся к жене, чтобы схватить ее за волосы и уволочь из гостиной в их спальню. Пока Вика подметала осколки от ангелочков, отчим снова насильовал ее маму. Из спальни доносились ее тихие стоны. Иногда казалось, что это стоны удовольствия. Весь мир катился к черту!

Зайдя на кухню, Вика выбрасывает осколки в урну и безвольно опускается на кухонный стул. Так она сидит, рассматривая узор замызганного коврика. Тот начинает двигаться, закручиваясь в спираль. Болезненно сощурившись, Вика понимает, что в этот раз слишком сильно получила по голове. Какая же безнадега... Снова свербит мысль, не наложить ли на себя руки. Вика поднимается, идет в ванную и прямо в одежде встает под душ. Головная боль не проходит и под струями воды. Отяжелевший шерстяной свитер тянет все ее тело вниз. Она снимает его, потом пытается снять намокшую футболку, которая прилипла к телу, но ватные руки не слушаются. Вика тянет ее за горло, пытаясь порвать, но сил не хватает, волной накатывают рыдания, в приступе которых она хватается ножницы, остервенело режет футболку, потом джинсы, потом в истерике пытается проколоть свою вену, из которой вдруг брызжет фонтан крови. Вика смотрит на свое отражение в зеркале, которое орошается крапинками ее крови, секунда за секундой и вот лица уже не разобрать. Конвульсии сотрясают ее тело. Выпавшие ножницы, лязгнув по эмалированной стенке ванной, юркают в покрасневшую от крови воду. Какие ей наркотики после дурки и постоянных побоев?! Это была большая ошибка.

Но теперь уже ничего не поделать. Забинтовав руку, Вика выходит из ванной и идет в гостиную. Пока берет с полки уцелевшего ангелочка, слышит, что в спальне совсем тихо. Неужели заснули? Или только он, а мама, скорее всего, лежит тихонечко, радуясь небольшой передышке.

Вика решает уйти из дома. С нее хватит! Понимая, что отчим может в любой момент проснуться, она быстро, но очень тихо одевается, берет все ею заныканные деньги и в конусе света от настольной лампы пишет записку: «Меня больше нет». Оставляя ее в коридоре

на видном месте, слышит, что в спальне снова раздаются голоса. Боясь, что ее могут застукать, Вика двумя пальцами цепляет пару кроссовок и босиком выбегает на лестничную площадку. Только спустившись несколькими этажами ниже, быстро их надевает и, сбегав по лестнице вниз, наконец оказывается на улице.

— Вам она такое рассказала? — киваю я на его блокнот.

— Неважно. Что было дальше?

— Что дальше, что дальше...

7.

— Ах, вот вы где! Еле нашел.

Появившись на палубе и подойдя к нам ближе, Артем видит, что мы оба чем-то подавлены.

— Э-э, друзья мои, так не пойдет! Раз у вас самих не получается веселиться, значит, вы просто обязаны слушаться меня! Так что в ВИП, и никаких возражений!

Застыв на месте, Артем показывает рукой куда идти, и Вика, немного подумав, неожиданно соглашается. Пропустив ее вперед, Артем останавливает меня и спешит предупредить:

— Но, если честно, дружок, с ней у тебя шансов ноль. Она же ебанько на всю голову, если ты до сих пор не врубился!

Только махнув рукой, иду следом за Викторией, а Артем замыкает процессию.

В ВИПе творилось настоящее безумие. Там Артем предложил нам по фирменному коктейлю, который мы долго тянули через трубочки. Вике было все так же хреново, и я уже не знал, как ей помочь. Мы без особого интереса наблюдали за неистовым угаром. Кто-то выпивает из горла, бутылка передается по кругу и вдребезги разбивается, улетев на нижнюю палубу. Под безудержный хохот падает парочка танцующих. Два качка бандитского вида жутко избивают какого-то парня, который, видимо, подкатил не к той девушке и теперь за это огребают. Да, какая-то бешеная деваха прыгает на быков, ее отталкивают, чтоб не лезла, пока тоже не получила. Подруга ее утихомиривает. Вика с отвращением и какой-то вселенской печалью наблюдает за всем этим. Артем подруливает к нам, предлагает кокса. Вика отказывается, показывая на коктейль, которым он же ее угостил. Артем пожимает плечами:

— Одно другому не мешает.

Всматривается в ее глаза:

— Да у тебя и так болты по пять копеек!

Он протягивает ей трубочку, но она отрицательно мотает головой. Глядя на нее, я тоже отказываюсь. Мы садимся на освободившуюся кушетку, а вокруг молодежь продолжает закидываться кто чем: взрываются косяки, кто-то, занюхнув, роняет поднос с порошком. Артем смеется, что ничего страшного, и достает из кармана еще. Не помню, сколько мы так просидели, как меня вдруг вштырило по-настоящему. Причем настолько, что можно было подумать, что до этого я был трезв как стеклышко. Даже галлюцинации появились, хоть и приятные, но все же накрыло меня по полной. Поворачиваюсь к Вике, а ее уже нет рядом. Она уже всю плясала посреди всеобщего бедлама. И я понял, что ее тоже вставило, как и меня! И танцевала она так же круто, с той только разницей, что теперь она была счастлива! Снова Викой все любовались, еще и радуясь, что ей так классно.

Меня к ней тянет магнитом. Когда наши взгляды встречаются и она долго не отводит глаз, поднимаюсь со своего места и подхожу к ней. Танцевать я никогда не умел, но сейчас, оказавшись рядом с Викой, произвожу какие-то робкие попытки. И вот уже двигаюсь активней. Иногда мои колени касаются ее бедер. От этих прикосновений, кажется, высекаются искры. За окнами темная речная вода продолжает кружить свои тревожные узоры, и кажется, в глазах Вики я вижу похожую бездну. И чем дольше я смотрю в них, тем страшнее становится, что меня туда утянет, а то и нас обоих. Надо что-то сказать. Неважно что, лишь бы спастись от накатывающего кошмара молчания. И когда она снова мне улыбается, приходит легкое озарение, что из всех парней на этой тусовке только мне выпала эта привилегия. И мне бы довольствоваться этим, но я все же сдуру решаюсь заговорить:

— Слушай, я там, в армии, действительно кое-что забыл.

Вопросительный кивок головы.

— В каком-то смысле я снова стал девственником.

Смеется, отворачиваясь от меня в танце.

— Подожди, понимаешь, мне придется заново... учиться, — снова ныряю в поле ее зрения.

— И что?

— Может, ты станешь моей учительницей?

Она снова смеется. Впервые слышу ее смех, такой залиvistый, в который мне было суждено влюбиться.

— Что? — спрашиваю.

— В смысле?

— Что смешного?

— То есть? Ты себя слышал?

— А что такого? — сверлю ее наивными зенками.

— Даже если бы я согласилась, за уроки надо платить, ты в курсе?

— Я готов.

— Да ладно! И чем же ты будешь платить?

— Тем, что буду их брать.

Тут она откровенно хохочет и уходит в сторону выхода из ВИПа, показывая мне средний палец на вытянутой руке. С одной стороны, это ее ответ «нет», с другой — не сказала же она об этом прямо. Я перевожу дух, потом слышу, что снаружи какой-то кипиш. Выбегаю из ВИПа. Вижу, что над Викой склонились какие-то люди: ей плохо! Отталкивая чьи-то руки, она встает, бросается к каким-то дверям, дергает ручки. Где-то заперто, откуда-то ее прогоняет охрана. Теплоход качает на волнах от проходящей мимо баржи. Я подбегаю к ней. Мы спускаемся вниз, я веду ее в галюнь, и уже там ее начинает трясти. Закрываю за нами дверь. Ее тошнит. Ад. В дверь кто-то ломится. Вику опять выворачивает. Кричу ей:

— Что с тобой?

Не отвечает, только орет, хватаясь за голову. Прячется за дверью душевой. Пытаюсь зайти к ней — не дает, запирается.

— Нет! Оставь меня! А-а, жесь!

Слышу из кабинки странные звуки — она бьется головой о стену?! Пытаюсь выломать дверь. Вдруг она сама вываливается из нее и, невидящим взглядом окидывая пространство, как зомби, идет к выходу из галюна. Догоняю ее, пытаюсь поддержать шатающуюся, но она меня отталкивает, бьет по рукам. Тогда хватаю ее силой и веду на палубу. Нас замечает Артем, все на нас смотрят. Мигающие в волосах девочек рожки похожи на полицейские сирены. Выходим на палубу, Вика вырывается из моих объятий и, падая на корточки, визжит на меня:

— Уйди!

Я, понятно, в шоке. Тут подходит Артем, спрашивает у меня, что с ней, а что я могу ответить? И мы вместе смотрим, как Вика ползает по полу и мычит что-то нечленораздельное, обхватив голову руками.

Артем отводит нас в отдельную каюту. Кладу Вику на кровать. Она умоляет оставить ее одну. Подчиняясь, выхожу из каюты. Снаружи дожидается Артем.

— Я предупреждал, что она ку-ку! Короче, скоро уже причалим, и ей надо такси сразу, ну его на хуй, в больницу или домой, понял? А раньше если придет в себя, только не в ВИП, хорошо? Явно пережрала чего-то!

Киваю, соглашаясь, а сам только и думаю: «Вот же невезуха!»

— Слушай, Макс, на дворе уже два ночи. Предлагаю продолжить у меня. Че здесь торчать?! Эта не вариант, — кивает в сторону каюты. — А тебе сегодня в одинаре никак нельзя оставаться. Согласен?

Снова киваю.

— Пойдем я тебя с охуенными телочками познакомлю.

Артем знакомит меня с двумя своими «вешалками» — стандартными красотками, готовыми вовсю пользоваться своими данными.

— Карина.

— Слава.

— Максим.

— Короче, так: сейчас причаливаем и дуем ко мне.

Обе явно не против, а Карина даже, дежурно улыбнувшись, начинает виснуть на моем плече.

— Ну, мы договорились? — спрашивает Артем больше у меня.

Киваю, аккуратно выскальзывая из объятий Карины, давая понять, что Слава мне нравится больше. Но в сравнении с Викой они обе проигрывали. Что и говорить, из миллиона тебе нужна только одна — наука, которую я усвоил уже в свои без малого двадцать, и этой одной, скорее всего, для меня была Вика.

Славе я тоже вроде понравился, она со мной танцевала, подталкивала к ухаживаниям, и я приносил ей выпить, просил парней ей уступить место. Мы даже нюхнули с ней по дорожке кокса, и я постепенно въехал в ее красоту, какую-то породистую женственность, рассмотрел-таки очаровательную улыбку и ощутил под блузкой ее восхитительную грудь. Во всем Славином поведении было некое обещание незабываемого секса с кинозвездой.

В случае же с Викой вообще возникало сомнение, что тебе хоть что-то обломится. Я представил, как она, скрюченная, лежит в каюте, и стало жалко не только ее, но и себя заодно. Потом

моему взору почему-то предстала картина, как она блюет в алюминиевое ведро и, извинившись перед разнеженной в моих объятьях Шерон Стоун, пошел все же проведать Вайнону Райдер.

В кровати Вики не оказалось, зато ее крики доносились из гальюна. Захожу туда и вижу, что Вика бьется головой о зеркало, осколки которого сыплются в раковину. Обернувшись на меня, Вика смотрит безумными глазами. Лицо ее ото лба и вниз все залито кровью, а из головы торчат два рожка, только не пластмассовых, а настоящих. Она пытается вытолкнуть меня из дверей. Я сгребая ее в охапку и выношу из туалета. Бросив на кровать, наваливаюсь на нее всем телом, пытаюсь унять ее рыдания. И у меня получается. Не знаю, сколько мы так пролежали, но Вика успокоилась, насколько это было возможно, после чего предпринимаю попытки избавить ее от рожек. Сначала пытаюсь отломить руками, но сил не хватает: так они крепко сидят. По форме напоминают коровьи, но с роговыми кольцами наподобие козлиных. Но, если меня спросить, на что они больше всего были похожи, ответил бы: «На обычные дьявольские рожки». Не Вике, конечно! Она и так слишком впечатлительная, а тут такое! Нужно было просто как можно быстрее избавить ее от них, вместо того чтобы искать какое-то рациональное объяснение, откуда они могли взяться. Сейчас это было все равно невозможно. Одним словом, я отправился на поиски подручных средств. На палубе оказался пожарный щит, и, взяв оттуда топорик, я попытался тупым его концом отколоть один из рожек. Но Вике было очень больно.

— А-а! Ты как по голове бьешь!

Короче, тоже не вариант.

— За что это мне?

— Не знаю, не мучай себя, Вик.

— Как только, объясни?

Потом я пытался откусить рожок диэлектрическими ножницами, но чем сильнее приходилось нажимать на его корень, тем сильнее они соскальзывали, и, судя по тому, как Вика верещала, ей опять было дико больно.

— За мысли о самоубийстве? — сквозь слезы вопрошала она.

— Вик, в этом бесполезно копать.

— Да не могу я!

Потом, достав ножовку из своего армейского ножа, я попробовал пилить, и рожок начал поддаваться! Слава богу: он был полый

внутри, и Вика вроде могла терпеть такую боль. Мелкая, почти как порошок, стружка попала на внешнюю часть моей ладони, и, когда я вытирал пот со лба и из-под носа, я случайно его занюхнул. И меня нешуточно вштырило.

Я понимаю, что человеку, описывающему свой первый опыт приема наркотиков, сложно верить на слово. Ему все покажется чем-то из ряда вон. Но это было другое. Это не было наркотиком. Тебе открывался другой мир. Казалось, горизонты сознания расширились до бесконечности. Я смотрел на Вику и понимал, что мы находимся сейчас на вершине какого-то Эвереста и как будто шли к нему всю нашу жизнь разными путями, но теперь мы здесь, и отныне каждый миг будет продлен в вечности, и только мы будем способны вершить нашу собственную судьбу.

Но все это длилось недолго, видимо, какое-то мгновение, потому что после этого я уже смотрел не только на Вику, а на нас обоих, причем со стороны. Я видел, как сидел рядом с ней в отключке, а она трясла меня, пытаясь разбудить. Она прикладывала ухо к моей груди и не слышала биения моего сердца. Да, оно остановилось.

А я все видел и слышал, правда, звуки были какими-то приглушенными. Испугавшись, что я двинул кони, Вика вскочила на ноги и рванула из каюты. Я понимал, что она побежала за помощью, но был настолько заморожен своим состоянием, что вместо того, чтобы попытаться остановить ее, предпочел просто парить по каюте, рассматривая стены, потолок, кровать, самого себя, наконец. И через какое-то время мне захотелось полетать еще и снаружи. Вытянув руку вперед, осторожно подлетаю к двери. Тут она резко открывается, и в каюту вбегают Вика с Артемом. Они начинают тормозить меня, в смысле того, который в отключке, после чего решают, что единственный выход — это искусственное дыхание. Артем давит на грудь, Вика вдыхает через рот. Хорошо, что в таком порядке. А то бы я сразу вернулся в тело. Вместо этого решаю еще над ними поприкалываться, но видя, как они напуганы, спешу «чудом» очнуться. Артем начинает в бешенстве прыгать по каюте: мол, мы его оба уже вконец достали — я и моя чокнутая подружка. Вика обнимает меня, смеясь сквозь слезы, отвечаю целомудренными, а потом и вполне страстными поцелуями, умоляя не принимать мой отрубон близко к сердцу. Прежде чем оставить нас, разнежившихся не на шутку, Артем замечает Вике: — Крутые рожки. Где взяла?

Растерянно тронув один, Вика только и смогла проронить:

— Спасибо..

И действительно, мы как-то оба про них совсем забыли.

— Ладно, больше никаких закидонов, вот вы у меня уже где! — ударил по горлу Артем и оставил нас одних.

— Он не понял!

— Да!

Мы смеялись как дети, пока Вика не опомнилась.

— Это не смешно вообще-то! У тебя сердце остановилось! Ты вообще понимаешь?! Что это было такое?! — взволнованно спрашивала она.

— А что сегодня вообще с нами происходит?! Я, например, уже ничему не удивляюсь! Но ты права: это, — я показал на ее рожки, — действительно нечто! Сейчас, подожди.

Снова взяв нож, я допилил ее первый рожок, подставив теперь под стружку листок бумаги.

— Зачем это?

— Терпение, Вик.

Потом, отпилив и второй рожок, собрал весь сточенный порошок в небольшую горстку, разделив ее на две дорожки, скрутил из ста рублей трубочку и, прежде чем дать Вике понюхать, произвел легкий инструктаж.

— Значит так: во-первых, ты права — это остановка сердца, поэтому.. постарайся вернуться пораньше. Я не знаю, как это объяснить, но только не бойся. Я тебе говорю: оно того стоит!

Взяв свернутую сотку, Вика зависла в нерешительности.

— А как же...

— Вик, нюхай! Я с тобой буду, не бойся.

Наконец-таки, занюхнув дорожку, Вика отключилась. Уложив ее поудобней, я нюхнул свою дорожку и тоже вылетел из тела. Все равно до конца не знаешь, чего ожидать в подобной ситуации. К моему удивлению, Вика все-таки ждала меня «там», и мы встретились! Да, с одной стороны, именно на это я и рассчитывал, но все же, когда это реально произошло, испытал дикий восторг.

Не сговариваясь, мы просочились сквозь дверь каюты и поднялись высоко над теплоходом. Мы парили в ночи над рекой и понимали, что нет таких слов, чтобы описать наше состояние. Это был просто пиздец! Но надо было возвращаться, что мы незамедлительно и сделали. Было страшно за наши бранные тела.

Но когда мы снова в них оказались и уже сидели напротив друг друга, нам было сложно поверить в реальность произошедшего. Просто осознать, что такое вообще возможно. Единственное, в чем никто из нас не сомневался, что после «возвращения» испытываешь какую-то детскую радость бытия, как будто полностью перезагрузился, заново родился, что ли. И от осознания этого тоже дико перло.

— А это за что нам?

— На нас какая-то миссия.

— Но ты согласна, что это не наказание, а дар?

— Да! Но нам для чего-то это дано. Не просто так.

Вика была потрясена — даже препараты, которыми ее пичкали в дурке, были ничем в сравнении с этими «рогами». По ее мнению, не только выход из тела, но и последующее состояние действительно было чем-то за гранью. В эти моменты можно было без преувеличения постигать все тайны вселенной. И, возможно, использовать, если научиться. И это наше новое знание казалось чем-то запретным. Поэтому мы договорились про рожки никому ни слова, это должно было остаться нашим секретом. Надеюсь, этому уроду она тоже ничего про них не рассказала. Но одно дело не болтать об этом направо-налево, другое дело — под пытками. В любом случае от меня про рожки он хрен чего узнает.

Когда теплоход уже причалил, мы валялись на кровати и рассматривали друг друга, как Адам с Евой.

— Не хочешь заняться первым в истории Земли сексом?

— Для такого события немного не та обстановка.

Артем уже долбил в дверь каюты, пока мы покатывались от смеха.

— Артем, кстати, нас в гости приглашает. Пойдем?

Согласная, Вика весело кивнула. Когда мы открыли дверь, Артем увидел двух счастливых лыбящихся ангелов, нетвердо стоящих на ногах, приобнимающих друг друга за талии.

— Понятно! — с легкой досадой и гораздо более тяжелой завистью резюмирует Артем.

— Что? — пытаюсь уточнить.

— Все с вами понятно, вот что.

— Предложение поехать в гости в силе? — напоминаю Артему о недавнем разговоре.

Когда он, разглядывая наши блаженные хари, переводит взгляд с меня на Вику, а она игриво вскидывает бровь, кажется, для него этого достаточно:

— В силе.

9.

Пока спускаемся по трапу, отпиленные рожки, сложенные один в другой в кармане моих «варенок», приятно греют бедро. По дороге к машине Слава рассматривает мою пассивку. Мне неловко, и Вика замечает это, как и то, что Слава расстроена ее присутствием. Веселое настроение Вики мгновенно улечивается, и она, резко развернувшись, уходит в обратном направлении. Я догоняю ее, пытаюсь остановить:

— Ты чего?

— Я не еду.

— Подожди... Почему?

Молча продолжает от меня отбрыкиваться.

— Тогда я тоже. И что будем делать?

— Не надо, учительница заждется. Дневник не забудь!

Я внутренне радуюсь: в ее словах снова проскальзывают нотки ревности. И это дает мне очередной шанс, дает мне уверенности, что я ей не безразличен. А раз так, тогда, была не была, я разворачиваю ее и впиваюсь в ее губы своими. И она поддается, позволяет себя поцеловать, а потом мы уже целуемся, как умалишенные, ничего не замечая вокруг и больше ни на что не обращая внимания, кроме того, что происходит непосредственно с нами. Возбуждение? Да. Желание? Да. Только секса? Может, и да. Но разве этого мало? Разве недостаточно хотя бы хотеть друг друга? Запускаю руку под лифчик, ласкаю ее грудь. Шепчу ей на ухо:

— Не уходи. Прошу тебя, я вообще ее первый раз вижу! Она тоже с Артемом, Вик. Хозяин — барин! Я что ему скажу, чтобы она не ехала?

Посмотрев на меня как-то обреченно, Вика соглашается. Думаю, к таким перепадам ее настроения я уже начинаю привыкать.

Пока едем в машине, Артем рассказывает про мораль, про женщин, про любовь. Он говорит, что для него положен конец власти женщины, ее дешевым разводам на сраную любовь. Для него эта лавочка прикрыта. Теперь все четко: важен только секс. И все зависит от его качества.

— Раньше тоже было так, но ты думал, что как-то нехорошо, что девушка ждет чего-то еще, а теперь мне похрену, чего она там ждет, и это точно признак свободы, а свобода — это святое. Правильно я говорю? — обращается Артем ко мне.

В ответ только пожимаю плечами.

— А ты что думаешь? — спрашивает Вику.

Она тоже решает отмолчаться, но мы оба понимаем, что Артем как будто угадал наши недавние чувства и тем самым заставил нас усомниться в том, что нам был нужен только секс. Но тогда что же? Конечно, тогда мы еще боялись друг другу в этом признаться. Но, похоже, Вика при этом записала Артема в свои враги. Его слова были ей противны. Не в этом она видела свободу.

Когда мы вошли в дом Артема, там было все перевернуто вверх дном: его ограбили. Артем завел нас в гостиную, посадил за стол и, разлив всем абсента, устроил мозговой штурм. Хотя понятно, что работал только его мозг, наша поддержка оказалась полезной. Сопоставив события последних дней и сегодняшней ночи, он понял, что кинуть его мог только один человек — некий Дэн, девушка которого крутилась на дискотеке. На вопрос Артема, где Дэн, она отвечала, что, может, придет на «вторую серию» — так называлась та часть тусовки, на которую как раз и попали мы с Викторией. Но Дэн так и не появился, а она вполне могла все это время следить за Артемом. И, действительно, пока хозяин дома тусуется на корабле, можно спокойно грабить его дом, не парясь, что он неожиданно нагрянет. Артем сразу понял, что полный бедлам был устроен только для отвода глаз. В доме был один-единственный тайник, и самое страшное, что именно там было пусто. А одним из тех немногих, кто мог знать о тайнике, как раз и был Дэн. Когда-то Артем обдолбанный доставал оттуда наркоту, которую они вместе употребляли. Значит, у Дэна был резон пустить пыль в глаза, что грабители якобы что-то искали. В общем, Артем попросил нас помочь ему в разоблачении Дэна. Мы придумали, что сразу после дискача можно заскочить к нему выпить, покурить, понюхать. Во-первых, несмотря на то, что Дэн был конченным героинщиком, с баблом у него сейчас был полный голяк, так что кокос должен прокатить только в путь. Во-вторых, он любил петь под гитару свои песни и всегда был рад новым ушам, особенно девичьим. Тоже не дуры понюхать, Карина со Славой были вообще за любой кипиш, а тут еще такой экшн, «ролевуха» и все дела. Короче, они сразу согласились. Артем сыплет порошок, ровняет дорожки.

— Макс, ты как?

— Нюхнуть?

— Да это понятно! Насчет Дэна?

Глянув на настороженную всем происходящим Вику, говорю:

— Так, может, вы втроем, тебе девчонок не хватит?

Артем, скрутив трубочку:

— Ты че, Макс? Конечно, нет. Он дома с бабой, и я с двумя приперся. Начнется ор, я ничего не разрулю. Не, Макс, без тебя не вариант. Двое на двое надо. Для убедительности.

— То есть? Без Вики? Не, я без Вики не поеду.

Артем нюхает в отчаянии и, передав трубочку Карине, уводит меня подальше, шепчет на ухо:

— Да ты че, Макс? Она же неадекватная. Всю мазу мне обломает. А речь, знаешь, о каких бабках? Поехали, дело сделаем, и вернешься к ней, я ее даже здесь готов оставить, подождет, никуда не денется. Начали упрасивать Вику остаться. Она говорит, что не надо, что она тогда пойдет куда-нибудь, хотя я знаю, что домой она пойти не может. Теперь я отвожу ее в ванную поговорить.

— Слушай, я сейчас не могу тебя оставить одну, но и другу нужно помочь. Ты же слышала!

— И что? Максим, ты не заметил, что в этом состоянии люди как на ладони. Да твоего Артема, кроме денег, наркоты и телок, больше ничего не интересует. Будь его воля, он бы каждую ночь закидывался и новую телку трахал. А бабки ему только для этого и нужны. И что у него украли? Я так и не поняла. Почему он в милицию не обращается? Да потому что это все наверняка незаконное. Я сначала даже обрадовалась, когда он сказал, что его ограбили. Так этому мудаку и надо.

— А тебе не видно как на ладони, что он все равно мой друг и это тупо мой долг?

— Тупо долг?

— Тупо долг.

— Вижу. Но мне еще и страшно. Что будет, когда Артем убедится, что он прав и это действительно Дэн?

— Не знаю, Артему виднее. Но если ты боишься, останься здесь, пожалуйста. Я места себе не найду, если буду думать, где ты и что с тобой.

— У меня плохие предчувствия...

— Я понимаю, но выхода нет.

В дверь стучат. Голос Артема:

— Скоро вы там?

— Подожди, сейчас, — кричу в дверь и спрашиваю Вику: — Так что?

— Тогда я с тобой.

Я достаю из своего ножа пилку для ногтей и стачиваю немного от рожка.

— Зачем тебе сейчас?

— Попробую, как не вылетать из тела и что тогда будет. Ты как?

— Нет, я за тобой посижу. Вдруг будет помощь нужна.

Я нюхаю, и мы с Викой выходим из ванной. Говорю Артему, что мы с Викторией едем вместе.

— Да ладно, Тем, не парься, я могу и домой, без проблем, — разряжает обстановку Слава.

— Подожди, я звоню Дэну, тогда и решим.

Трубку взяла его девушка Катя. Она была на удивление приветлива, ведь, по словам Артема, она его ненавидела, считая, что это он посадил Дениса на герыч, так что ее вежливость уже вызвала подозрение. А вот в том, что Дэн был не против тусовки, как раз не было ничего странного: он играл в себя нормального, то есть закоренелого нарика, который и должен был по-любому согласиться. Артем просит Славу поехать с нами.

— Если Катя, несмотря на лишнюю телку, все равно будет любезной, значит, это точно они.

— Блять, Артем, у тебя семь пятниц на неделе.

Короче, к Дэну едем все вместе. Хотя я думаю, Артем просто до конца не рассчитывал на нас с Викторией, и ему нужен был запасной вариант. Но доехали мы нормально. Состояние «под рогами» без вылета из тела было прикольно тем, что это как бы пограничное состояние между жизнью и смертью. Вика наблюдала, как мое тело балансировало между отключкой и бодрствованием и негодовала:

— Больше не надо так: ты выглядишь как зомби.

— А это кто?

— Ты фильмы про зомби не смотрел?

— Нет, у меня видика никогда не было.

— Ну ты и отсталый.

После того, как все оглянулись на наш смех, дальше ехали почти молча. Только Артем давал последние инструкции, чтобы мы не дай бог не сорвали всю его дико важную операцию. Вика и без того была очень сосредоточенна, но на своей волне, как будто у нее была своя личная миссия. Ее настрой, надо признать, передавался и мне.

10.

Когда мы приехали на квартиру к Дэну, чуваку с прической а-ля Курт Кобейн, в волосатом свитере на пуговицах поверх футболки Jane's Addiction и рваных джинсах, выяснилось, что он уже один дома.

— А где твоя Катя?

— К подруге поехала.

Снова странность. И опять связанная с Катей. То без повода на позитиве, а тут свалила! Нет, ввиду ее неприязни к Артему это вполне логично, но почему Дэн не заставил ее соблюдать уже принятые правила игры? А может, он ее сам слил, чтобы она его не спалила? Бабам в таких вопросах доверять действительно стремно. А вдруг Дэн отправил Катю просто-напросто увезти с собой награбленное?

— К какой подруге?

— Она не сказала.

При этом Дэн был под герычем, значит, бабло у него откуда-то взялось. В общем, когда начался бухыч, Артем пристально следил за другом, только все больше убеждаясь, что именно он его грабнул. Снова долбит музон, причем гораздо круче, чем на дискотеке. На столе выпивка, закуска, занюшка. Если забыть о цели нашего визита, тусовка обещала выдаться на славу. Подрубив электрогитару к комбику, Дэн начал петь свои песни. В первой было что-то про дружбу. Артем ему заметил, что петь про дружбу — это одно, а кидать друзей — совсем другое.

— В смысле?

— Ты же обещал приехать сегодня. И не приехал, заставил к тебе тащиться!

— Да мы только рады, — сглаживает угол Слава.

— Подожди, не вякай, — затыкает ее Артем.

Слава в ахуе. Карина пытается обнять Артема, чтобы он успокоился, но тот не унимается:

— Не, ну а че она уехала?

— Тем, а тебе-то чего? Девчонок что ли не хватает?

— Мне-то хватает!

— Ну и все! К тому же это у вас взаимно, как я понимаю.

— Что?

— Ну ты же ее тоже не любишь?